

Д. КАРАМШОЕВ

ЗНАЧЕНИЕ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ

Исследователи начала XIX в. считали Памир и прилегающие области прародиной не только иранцев, но и вообще индоевропейцев. Эта гипотеза впервые была предложена в 1820 г. И. Роде [29, с. 687] на основе того, что в древнеиранском зороастрийском памятнике – Авесте – содержится описание древних традиций ариев, их расселения на горной территории Бактрии, Согда и живо изображается горная страна с суровым и холодным климатом.

Данная точка зрения вскоре получила поддержку и признание в работах К. Риттера [28, с. 436], А. Потта [27, с. 21], А. Шлегеля [30, с. 444], Х. Лассена [24, с. 512], А. Пиктэ [26, с. 37], В. Гейгера [23, с. 32] и послужила основой для рождения гипотезы о памиро-гиндукушской и среднеазиатской прародине индоевропейцев. Как отмечает А. М. Мандельштам, эта гипотеза стала общепризнанной уже в 30-х годах XIX в., хотя границы прародины не совпадали точно у всех авторов. Все, однако, признавали необходимость искать ее в истоках Амударьи, Сырдарьи и на Восточном Памире, около Белур-Тага [14, с. 69].

Начиная с 70-х годов прошлого столетия эта гипотеза потеряла свою популярность, и ученые в дальнейшем не слишком стремились искать на суровом и холодном Памире прародину индоевропейцев или индоиранцев [31, с. 428] (хотя доказано, что постепенное похолодание на Памире и в прилегающих горных районах Средней Азии происходило в более позднее время и продолжается сейчас). Острые научные споры вокруг данной проблемы пока не дают окончательных результатов [2, с. 39 и сл.; 6, с. 19-23].

Следует напомнить, что в ту пору, когда выдвигалась памиро-гиндукушская гипотеза прародины индоевропейцев, не было известно о существовании большого количества памирских, дардских, кафирских языков и об их принадлежности к индоевропейской группе, а также об их

генетической связи с древними индоиранскими языками (авестийским, санскритом).

Наука узнала о памирских языках лишь в 70-х годах прошлого столетия, после чего Памир снова стал центром пристального внимания ученых-востоковедов различных стран и различных научных направлений – лингвистов, этнографов, антропологов, археологов и др.

Научный фундамент изучения памирских языков в конце XIX в. за рубежом был заложен английским ориенталистом Р. Шоу, а в России – акад. К. Г. Залеманом. В дальнейшем изучении памирских языков активно участвовали В. Томашек, В. Гейгер, Р. Готье и др.

В XX в. развитие памироведения в нашей стране тесно связано с именами И. И. Зарубина и М. С. Андреева, а за рубежом – с именем Г. Моргенштерне. Благодаря трудам этих ученых и их последователей удалось уточнить место памирских языков в кругу иранских и выявить их основные взаимоотношения.

Прежде всего обращает на себя внимание факт широкого территориального распространения памирских языков (Горно-Бадахшанская автономная область Таджикской ССР, Афганистан, Восточный Туркестан, Пакистан и Индия). При этом установлено, что в далеком прошлом территория распространения восточноиранских языков, в том числе памирских, была значительно шире их нынешних границ. В Средней Азии ко времени арабского завоевания были распространены восточноиранские языки; согдийский, ферганский, хорезмийский [7, с. 372].

Этим, в частности, можно объяснить тот факт, что южные и юго-восточные говоры таджикского языка (т. е. кулябские, каратегинские, дарвазские, ванджские), а также топонимика указанного региона содержат большое количество языковых элементов восточноиранского происхождения. Подобное явление свидетельствует о том, что на нынешней территории Каратегина, Дарваза и Куляба некогда бытовали весьма близкие памирским языкам восточноиранские диалекты.

И. И. Зарубиным было установлено, что на территории нынешнего Ванджского района еще до XIX в. был распространен старованджский язык, входивший в памирскую группу [8, с. 79–81]. Материалы И. И. Зарубина по старованджскому языку были дополнены А. З. Розенфельд. По ее мнению, памирские языки «несколько веков назад были более многочисленны и занимали часть территории, ныне являющейся областью распространения таджикского языка (категинские, дарвазские и ванджские говоры его восточной группы)» [20, с. 273 и сл.].

Все это недвусмысленно свидетельствует о том, что памироязычные народности наряду с другими своими восточноиранскими родственниками

(саками, согдийцами, хорезмийцами) играли большую роль в формировании таджикского народа. Что касается бытования таджикских говоров в других районах исторического Бадхашана (в частности, в Ишкашимском районе), то это можно считать более поздним явлением, следствием расширения границы таджикских диалектов в глубь территории памирских языков.

Советские антропологи, в частности Л. В. Ошанин, выделили и довольно обстоятельно описали один из европеоидных расовых типов, а именно расу Среднеазиатского междуречья, или памиро-ферганскую. Установлено, что эта раса в наиболее чистом виде представлена горными и памирскими таджиками и в целом не имеет монголоидных элементов [16; 17]. Этот факт также свидетельствует о прошлом этногенетическом единстве таджикоязычных и памироязычных горцев и о сохранении ими исконных черт.

Установление в диахронном и синхронном плане точной и бесспорной классификации памирских языков, выявление их отношений с другими восточноиранскими языками – как мертвыми (сакский, согдийский, хорезмийский), так и живыми (пашто, ягнобский, осетинский) – и вообще с остальными иранскими языками могут способствовать решению некоторых вопросов этнических проблем Центральной Азии.

На данном этапе развития памирского языкознания можно согласиться с выводами В. С. Соколовой относительно происхождения большей части памирских языков, в первую очередь шугнано-рушанской языковой группы, язгулямского и ишкашимского, от общего восточноиранского источника [21; 22].

Давность расхождения язгулямского языка и языков шугнано-рушанской группы (собственно шугнанский с баджувским диалектом, рушанский с хуфским диалектом, бартангский, рошорвский, сарыкольский) определяется примерно в 1300–1400 лет, что по времени предшествует завоеванию арабами Средней Азии (VII в. н. э.). Давность расхождения шугнано-язгулямской группы и мунджанского языка устанавливается В. С. Соколовой в 2000 лет, что соответствует рубежу нашей эры.

Конец общего периода в развитии ишкашимского, шугнано-рушанской языковой группы, язгулямского и мунджанского языков, по мнению В. С. Соколовой, приходится на время 2400–2500 лет назад, т. е. на V–IV вв. до н. э. [22, с. 240], что совпадает с тем временем, когда Восточный Памир был населен сакскими племенами (по археологическим данным).

Что касается связи ваханского языка с остальными памирскими, то общее состояние для них можно предполагать еще раньше сакской эпохи.

Благодаря усилиям советских ученых, в частности А. Н. Бернштама, Б. А. Литвинского, В. А. Ранова, малонаселенный ныне Восточный Памир в археологическом отношении оказался более изученным, чем заселенная часть Западного Памира. В настоящее время установлено, что распространение культуры каменного века на Памирском высокогорье охватывает примерно промежуток от VIII до IV тыс. до н. э., а проникновение человека на Памир и в другие части горных долин, по свидетельству В. А. Ранова, относится к эпохе палеолита [19, с. 11 и сл.; см. также 18].

Б. А. Литвинский на основе комплексного анализа археологических и письменных источников с привлечением этнографических, лингвистических и антропологических данных показал, что в древности на Памире жили европеоидные по расовому типу восточноиранские сакские племена, составившие впоследствии один из важных пластов современных памирских народностей [13, с. 6]. Саки и сакская культура играли большую роль в истории Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии. Сакский эпос явился важным компонентом героических эпосов ираноязычных народов. Известно, что легендарный герой иранских народов Рустам (у Фирдоуси – Рустами Сагзи) по происхождению принадлежит к сакам.

Сам факт существования в западных районах Памира умеренных и относительно благоприятных климатических условий и долговременное обитание там памироязычных народов могут стать основанием для утверждения о том, что эту часть Памира первобытный человек начал осваивать гораздо раньше, чем Восточный Памир. О проникновении человека на Западный Памир и освоении его природных богатств в глубокой древности может свидетельствовать такой факт, как давность добычи драгоценных камней и минералов, поскольку центром добычи знаменитого бадахшанского рубина (лал) и лазурита (лоджвард) является именно Западный Памир. С этими минералами связаны два топонима: Кухи Лал («Гора лала») – в селении Горан Ишкашимского района и Лоджвардара («Лазуритное ущелье») – в долине Шахдары Шугнанского района.

Как отмечает Е. Е. Кузьмина, горная часть Бактрии, т. е. Бадахшан, с древнейших времен была известна на всем Востоке как центр добычи драгоценных камней и металлов. «Лазуриновые бусы и печати изготовляли еще в III тысячелетии до н. э. Их находят в Месопотамии и Индии, на берегах Персидского залива и в пустынях Средней Азии. В гробнице Тутанхамона – египетского фараона, правившего в XIV в. до н. э., – обнаружены замечательные лазуриновые украшения» [12, с. 31]. Очевидно, что если изготовление лазуриновых бус и печаток относится к III тыс. до н. э., то добыча самого лазурита могла осуществляться еще раньше.

Архаичность и самобытность материальной и духовной культуры памироязычных народов на различном уровне уже доказаны и описаны советскими востоковедами М. С. Андреевым, И. И. Зарубиным, А. К. Писарчик, Н. А. Кисляковым, А. Н. Болдыревым и др. [3; 9–10; 11; 5].

Для установления этногенеза древних обитателей Памира и прилегающих областей важное значение имеют лингвистические данные (наряду с археологическими, этнографическими, фольклорными и другими свидетельствами).

Памирские языки сохранили много общих черт, свойственных древним языкам. Относительно близкое родство современных памирских и древнеиранских языков, в частности языка Авесты, свидетельствует о том, что данные живых памирских языков в известной мере способствуют лучшему пониманию материальной и духовной жизни древних иранских народов. В то же время наличие прямых языковых параллелей с древнеиранским периодом (начало II тыс. до н. э.) в современных памирских языках – живое свидетельство древности.

Генетические отношения современных памироязычных народов с древнеиранским миром более наглядно можно проследить на фоне лексических соответствий между памирскими и древними индоиранскими языками (авестийским, древнеперсидским, санскритом). По данным живых памирских языков можно установить существование ряда явлений в языках древнеиранского периода, а также осуществить их достоверную интерпретацию. Многие слова и термины современных памирских языков позволяют лучше понять культуру и быт древних иранских племен.

Для подтверждения этого положения достаточно обратиться к анализу некоторых терминов, относящихся к двум важнейшим отраслям сельского хозяйства – животноводству и земледелию. На основе данной категории лексики можно сделать выводы относительно материальной культуры, традиций, образа жизни и занятий древних ариев и одновременно решать вопрос о том, от кого же унаследовали современные ираноязычные народы, в том числе памирцы, эти занятия.

Для древних иранцев занятие животноводством и земледелием было жизненно важно, так что кормление скота и обработка земли ставились ими в один ряд с верой в Ахурамазду. Это наиболее живо отражено в Авесте – собрании религиозных, мифических и эпических текстов, отчасти отражающих времена индоиранской общности. Доктрина ариев о животноводстве гласит: «Славословить Ахуру Мазду и давать корм скоту – это мы считаем самым лучшим» [см. 12, с. 29]).

Различные обряды и культы памироязычных народов, связанные с домашними животными и продуктами животноводства, ведут нас в глубь

арийской эпохи. В этом особенно убеждает тот факт, что терминология животноводства в памирских языках в основном исконная и для многих терминов живого языка находятся соответствующие параллели в Авесте и других древних источниках.

Ср. шугн. *maŷ*, руш. *mēw*, барт. *māw*, язг. *mūw*, тадж. *meš* ‘овца’, авест. *maeši-*; сюда же шугн. *miŷiŷ*, руш. *mawoj*, барт. *mawōj* ‘баран’; шугн. *wārg*, вах. *wurk*, тадж. *bagga*, др.-инд. *ugana-* ‘ягненок’;

шугн., руш. *žōw*, барт. *žāw*, язг. *γew*, вах. *γiw*, тадж. *gow* ‘корова’, авест. *gav-*, *gāuš*, др.-инд. *gāuṣ*, рус. *говядо*, *говядина*; шугн. *xiŷ*, руш. *xoŷ*, барт. *xōj* ‘бык’, авест. *uxšan-*, др.-инд. *ukšan-*;

шугн., руш., барт. *vaz* ‘коза’, тадж. *buz*, авест. *buza-*;

шугн., руш., барт. *rōc* ‘охрана скота’, авест. *paθra-*;

шугн. *xūvd*, руш., барт. *xuvd* ‘молоко’, тадж. *šir*, авест. *xšvīpta-*, *xšivd-*, согд. *xšuybt-*;

шугн. *xēd*, руш. *xēd*, барт. *xōd*, язг. *xāb*, вах. *šad* ‘летний загон для скота’; шугн. *xōd*, руш. *xūd* ‘дом’, ‘усадьба’, др.-иран. **srada-*, тадж. *saŋou*, ср. авест. *šay-*;

шугн. *wūpn*, руш. *wāwn*, барт. *wōwn* ‘баранья шерсть’, авест. *varəna-*, санскр. *īgna-* сербскохорв. *vuna*, сюда же рус. *волна* ‘шерсть’.

В отдельном анализе нуждается руш., хуф. *pos*, барт. *rōs*, язг. *rūs* с первоначальным собирательным значением «овцы», «мелкий скот»; этому слову отвечает авест. *rasu-* с тем же значением «мелкий скот», «домашние животные». При этом важно отметить, что данное слово в памирских языках широко используется также в качестве меновой единицы, равной стоимости барана средней величины (шугн. *rīs*, вах. *pus* ныне употребляются исключительно в этом значении). Все предметы и другие домашние животные при выяснении их ценности приравнивают к шугн. *rīs*, руш. *pos*, барт. *rōs* (аналогичное явление прослеживается для и.-е. *reku-* ‘скот’, ‘движимое имущество’, лат. *resunia* ‘деньги’).

В том же плане можно говорить об отношении древних ариев к земледелию. Требования зороастризма к хлебопашцам, по существу, не отличаются от требований к животноводам, что видно из той же части Авесты: «Корень веры почитания Мазды – хлебопашество»; «Кто возделывает хлеб – тот возделывает правду» [см. 12, с. 29].

Терминология земледелия, так же как и терминология животноводства, дает весьма интересный материал для определения и установления степени родства древних иранцев и носителей современных памирских языков. Отражение в древнеиранских письменных источниках, в частности в Авесте, названий сельскохозяйственных орудий производства, ирригационных систем, зерновых и прочих культур и соответствующие им параллели

ли в памирских языках, а также сохранение у памироязычных народов древних домусульманских культов и обрядов, связанных с обработкой земли, с посевом и сбором урожая, являются наглядными доказательствами того, что земледелие было исконным занятием древних иранцев. То, что большая часть земледельческой терминологии в памирских языках исконная и унаследована из глубокой древности, означает, что земледелие, как и животноводство, является для современных памироязычных народов древним занятием. Для подкрепления наших доводов ниже приводятся земледельческие термины из современных памирских языков и по возможности указываются их эквиваленты в древних языках, в первую очередь в Авесте.

Шугн.-руш. *čakāl* ‘маленький участок земли’, санскр. *śakla*, сюда же тадж. *čakalak*, *čakalakzor* ‘местность, поросшая тополями’;

шугн.-руш. *zimc* ж. р., ванч. *zamč* ‘поле’, ‘участок земли’, авест. *zam* ж. р. ‘земля’, сюда же примыкает шугн., руш. *zimāδ*, язг. *zēmāδ*, барт. *zimārd*, рош. *zimār* ‘земля’, тадж. *zamin*, рус. земля, латыш. *zeme*, авест. *zēmāda-*, *zamarə-*. В языках шугнано-рушанской группы от этого же слова образовалось шугн. *zimār-wōḥ*, руш. *zimār-wū* ‘х’ ‘соломка’, ‘солома’, букв. ‘земельная трава’.

Весьма древними являются также названия зерновых культур. У многих из них есть соответствующие параллели в других древних и современных индоевропейских языках: шугн. *rīnj*, руш. *riñj* ‘просо’, кашмир. *riṅga*, сакск. *riyaugu*, лат. *panicum*;

ишк. *uaw* ‘ячмень’, согд. *uw*, мундж. *you*, язг. *žūw* ‘пшеница’, осет. *uow* ‘просо’, вах. *žav* ‘ячмень’, авест. *uava-* ‘зерно’, ‘ячмень’. В других языках этому слову по семантике отвечает *čūšč* (шугн.), *čošč* (руш.), *čöšč* (барт.), *kosk* (мундж.) ‘ячмень’;

шугн.-руш. *žindam*, вах. *žədim*, ишк. *žūndəm*, санг. *žandam*, тадж. *gandum* ‘пшеница’, авест. *gantuma-*;

шугн.-руш. *kaḫt*, руш. также *kaḫtā* ‘зерно’ (собирает.), тадж. *kišt*, авест. *karšta-*;

шугн. *sēr*, руш. *sēr*, барт., рош. *sōr*, вах. *sor* ‘умолот’, ‘куча зерна на гумне’, очевидно, восходит к авестийскому глаголу *sar-* ‘соединять’.

Названия некоторых продуктов питания, получаемых из зерновых культур, также унаследованы от древнейших времен и могут свидетельствовать о близкой связи памирцев и других индоевропейских народов. Ср. шугн.-руш. *piḫt*, язг. *paḫt*, тадж. класс. *pist* ‘толокно’, др.-инд. *piṣtam* ‘мука’, *piṣtas* ‘толченый’; сюда же рус. пест (стержень для толчения в ступе). На основе ряда терминов земледелия можно заключить, что культура ирригации и орошения не была чужда древним ариям, а носители памирских языков, унаследовав ее у своих предков, всесторонне усовершенствовали си-

стему искусственного орошения земли (что для Памира является необходимым условием получения урожая) и приспособили ее к требованиям высокогорных условий. О древности искусственного орошения земли свидетельствуют и языковые факты. Так, для выражения понятия «оросительный канал», «арык» в памирских языках сохраняется авест. *waīdi-* и согд. *wūd-*, ср.шугн. *wēd*, руш. *wēd*, барт., рош. *wōd*, санскр. *wod*, язг. *wāḍ*, вах. *wod*, *wod*, афг. *wāla*.

В специальном рассмотрении нуждается общий для шугнано-рушанской группы языков термин *agdān*, что означает «главная борозда в начале посевного поля для приема воды из оросительного канала» (*wēd*). В хуфском диалекте наряду с этим засвидетельствован другой, единый с ним по происхождению термин *agdon*, что значит «второстепенная борозда, служащая для распределения воды по маленьким канавкам». В язгулямском языке бытует слово *don(d)* со значением «место распределения воды из арыка». Грамматически форма шугн.-руш. *agdān* относится к женскому роду, а хуф. *agdon* – к мужскому.

Этимологически, как нам представляется, первая часть шугн.-руш. *ag-* восходит к др.-иран. **fra-*, а вторая значимая часть слова связана с др.-иран. **dānu-*, авест. *dānu* ‘река’, др.-инд. *dānu-* ‘жидкость’, ‘капля’ и глагольным корнем *dan* ‘течь’ (ср. др.-перс. *danuvaty* ‘течет’, др.-инд. *dhanayati* ‘бежит’, *dhanvati* ‘бежит’, ‘течет’, тадж. класс. *danidan* ‘бежать, даña ‘беготня’). В целом для *ag-dān* и *ar-don* можно реконструировать прототип в виде **fra-dānā-* (ж. р.) и **fra-dāna-* (м. р.), к ним же по структуре и семантике примыкает рус. про-ток.

Среди современных иранских языков вышеприведенным памирским формам достаточно ясно соответствует осет. *don* со значением ‘река’, ‘вода’. В. И. Абаев на почве древних источников четко определил этимологию осет. *don*, но одновременно сделал оговорку, что более древней является форма *dan*, широко представленная в названиях рек в местах прежнего обитания предков осетин: в горной Кабарде – *Saw-dan* ‘черная река’, *Ėar-dan* ‘теплая река’, *Kurandan* (из *Kūrandan*) ‘мельничная река’ [1, с. 366]. Рассматриваемое слово составляет исходный и главный компонент названий известных рек России и Европы: Дон, Днепр, Днестр (Дан-Астр), Дунай.

Таким образом, занятие животноводством и земледелием для памироязычных народов своими корнями уходит глубоко в общеарийскую эпоху. О древности этих отраслей наряду с исконной терминологией свидетельствуют обряды, обычаи и культы, связанные с животноводством, земледелием и продуктами сельского хозяйства, что в общих чертах на материале отдельных районов Памира уже описано советскими этнографами-па-

мироведами М. С. Андреевым, А. К. Писарчик [см. 3] и И. Мухитдиновым [15, с. 90-109].

Дальнейшее комплексное изучение Памира и прилегающих областей на уровне требований современной лингвистики, фольклористики, этнографии и археологии может пролить свет на темные до сих пор страницы древней истории ираноязычных народов Средней и Центральной Азии. В частности, вывод Е. Э. Бертельса, В. В. Струве, С. П. Толстова, Х. Нюберга и Э. Бенвениста о том, что родиной Авесты и зороастризма является Средняя Азия, а главный фон Авесты связан с Восточным Ираном, подтверждается материалами памирских языков, фольклора и этнографии.

Успешное решение этнических проблем, связанных с древними индоиранцами, должно осуществляться на основе комплексного применения лингвистических, фольклорных, этнографических и археологических данных. В этой связи дальнейшее сравнительное изучение памирских языков, как уже описанных и хорошо изученных (на советском Памире), так и еще недостаточно исследованных (в Афганском Бадахшане и Северном Читрале), приобретает особое значение для точного и объективного установления степени родства не только между памироязычными народами, но также между ними и носителями индоарийских, дардских, кафирских и остальных индоевропейских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.–Л., 1958.
2. АБАЕВ В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. – Древний Восток и античный мир. М., 1972.
3. АНДРЕЕВ М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья). Вып. 1. Сталинабад, 1953; Вып. II (подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А. К. Писарчик). Сталинабад, 1958.
4. БЕРТЕЛЬС Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960.
5. БОЛДЫРЕВ А. Н. Предисловие. – Сказки народов Памира. М., 1976.
6. ГАМКРЕЛИДZE Т. В., ИВАНОВ В. В. Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка. – Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1972.
7. ГАФУРОВ Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
8. ЗАРУБИН И. И. К списку памирских языков. – Доклады Российской Академии наук. Серия В, 1924.

- 9-10. ЗАРУБИН И. И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. – В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927.
11. КИСЛЯКОВ Н. А. О древнем обычае в фольклоре таджиков. – Фольклор и этнография. Л., 1970.
12. КУЗЬМИНА Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.
13. ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
14. МАНДЕЛЬШТАМ А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957.
15. МУХИТДИНОВ И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975.
16. ОШАНИН Л. В. Иранские племена Западного Памира. Сравнительно-антропологическое исследование. – Труды Узбекского института экспериментальной медицины. Т. 1. Таш., 1937.
17. ОШАНИН Л. В. Антропологический состав и вопросы этногенеза таджиков и узбеков Южного Таджикистана. – Труды АН Таджикской ССР. Т. XII. Сталинабад, 1957.
18. РАНОВ В. А. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956 – 1958). – МИА СССР. № 124. М. – Л., 1964.
19. РАНОВ В. А. Освоение Высокой Азии человеком каменного века (на примере гор Средней Азии). – Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
20. РОЗЕНФЕЛЬД А. З. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях. – Труды Института языкознания АН СССР. Т. VI. М., 1956.
21. СОКОЛОВА В. С. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
22. СОКОЛОВА В. С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямский группы. Л., 1973.
23. GEIGER W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.
24. LASSEN Ch. Indische Alterthumskunde. Bd 1 – 2. Bonn, 1847.
25. LATMAN R. Elements of Comparative Philology. L., 1862.
26. PIETET A. Les origines Indo-européennes ou les Aryas primitifs. 1 – 2. P., 1859.
27. POTT A. Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indo-germanischen Sprachen. Bd 1 – 2. Lemgo, 1833 – 1836.
28. RITTER K. Erdkunde Asiens. Bd 1. B., 1832.
29. RHODE J. G. Die heilige Sage und das gesamte Religionsystem der alten Baktrer, Meder und Perser oder des Zendvolkes. Frankfurt, 1820.
30. SCHLEGEL A. De l'origine des Hindous. – Transactions of the Royal Society of Literature. Vol. II. L., 1834.
31. SPIEGEL F. Das Umland der Indogermanen. – Eranische Altertumskunde. Bd I. Lpz., 1871.

SUMMARY

Scholars have now given up the hypotheses, widely current in the mid-19th century, which placed the original homeland of the Iranians – in fact, of all the Indo-Europeans – in the Pamirs. Yet the problem of the homeland of the Indo-Europeans in general, and the Indo-Iranians in particular, still awaits its final solution. Following the publication of works by R. Show, W. Geiger, I. I. Zarubin, G. Morgenstierne, V. S. Sokolova and other scholars, which laid the foundation of scientific Pamir studies in the field of linguistics, scholars were able to place the Pamiri languages among the Iranian languages with greater confidence. At present, when the Pamir is no longer a blank spot linguistically, archeologically or ethnographically, it is important to reconsider, with the help of newly accumulated material, the significance of the data offered by the Pamiri languages for the solution of the intricate problems of the Iranians' ethnic origin and early history.

The Pamiri languages, those of the Shugnani-Rushani group in particular, have retained many words which have direct parallels in the Avesta and are of great importance for the study of the history of the early Iranians' society, way of life and ideology. Agricultural terms related to land-tilling and cattle-breeding show that these occupations were indigenous to the early Iranians. This is revealed by an analysis of the names of agricultural implements, irrigation works, domestic animals, etc., all of which are strikingly similar to the respective terms in the Avesta.

Further comparative studies of the Pamiri languages and dialects – those already described and well studied (in the Soviet Pamir) and those studied insufficiently (in Afghan Badakhshan and Northern Chitral) – will be instrumental in establishing, in a precise and objective manner, the kinship between these languages, their links with other ancient and modern Iranian languages and with the Indo-European languages as a whole.